
О НЕОБХОДИМОСТИ СТАНДАРТИЗАЦИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА КОНКУРЕНТНОГО ПРАВА РФ И ЕС

А.О. Иншакова, М.Ю. Козлова

Кафедра гражданского и международного частного права
Волгоградский государственный университет
Университетский просп., 100, Волгоград, Россия, 400062

Статья посвящена исследованию отдельных проблем унификации антимонопольного законодательства Российской Федерации и стран Европейского Союза. Исследуется соотношение основополагающих категорий антимонопольного законодательства Российской Федерации и стран Европейского Союза. Делается вывод о том, что унификация норм российского конкурентного права с европейскими минимальными правовыми стандартами, регулирующими проблемы монополизации рынков, является важной перспективной задачей и тенденцией развития корпоративного регулирования в условиях глобализации и интеграции мирового хозяйствования.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, конкуренция, недобросовестная конкуренция, согласованные действия хозяйствующих субъектов, доминирующее положение, злоупотребление доминирующим положением.

С момента создания ЕЭС проблема поддержания конкуренции на должном уровне являлась одной из основных экономических и институциональных задач и в то же время трудностей для сообщества. Достижение желаемых эффектов общего рынка потребовало от интегрирующихся европейских государств провозглашения доминанты открытой конкурентной рыночной экономики на уровне публичных правоотношений. Таким образом, за основу была взята концепция, исключающая дискриминацию экономических свобод на государственном уровне.

Страны ЕС, придерживающиеся континентальной системы права и имеющие самостоятельное законодательство в области конкурентного права, устремились к «интегрированной модели регулирования» борьбы с недобросовестной конкуренцией [18]. Более тесное знакомство с динамично развивающимся и постоянно совершенствующимся конкурентным правом ЕС является сегодня одной из приоритетных задач российской юридической науки [9. С. 269].

Опыт ЕС в сфере конкурентного права дает возможность понять, а возможно, и воспринять основные постулаты предпринимательской деятельности в ЕС, а также помогает уяснить, какие обязанности возлагаются на компании, занимающие доминирующее положение на рынке. Он представляется интересным не только для изучения отечественными учеными и юристами крупных компаний, планирующих выход или расширение операций на европейском рынке, но и для российского законодателя.

В частности, можно смело утверждать, что, разрабатывая Федеральный закон «О защите конкуренции» № 135-ФЗ от 26.07.2006 [14], законодатель в большинстве случаев отталкивался от соответствующих предписаний ЕС в сфере конкурентного регулирования. Этот факт вызывает всяческое одобрение и поддержку, особенно с учетом того, что новая социальная и экономическая системы «требуют» качественно иного правового регулирования конкуренции появившихся в эпоху глобализации новых форм хозяйствования, бизнес-структур и уже в рамках интегрированного международного права [6. С. 90–94].

В российском хозяйственном законодательстве общие традиции европейского континентального права остаются доминирующими, что обуславливает и близость антимонопольного регулирования России к стандартам актов ЕС по формальным критериям, отраженным в Регламентах и Директивах Совета ЕС. Исследование унифицированных норм ЕС в целях совершенствования российского конкурентного права становится тем более актуальным, чем большую поддержку получает идея о целесообразности формирования «единого европейского экономического пространства» [11. С. 337].

Одним из направлений унификации антимонопольного регулирования является выработка единых подходов к разработке категориального аппарата. Данное направление представляется весьма важным, поскольку наличие в нормативных актах четко обозначенных дефиниций способствует реализации принципа правовой определенности.

Значение принципа правовой определенности проявляется в том, что он основан на верховенстве права и обеспечивает принцип равенства и справедливости; предполагает стабильность правового регулирования; исключает возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения норм права, обеспечивает единообразную правоприменительную практику, дает возможность участникам соответствующих правоотношений в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, а также приобретенных прав и обязанностей [4].

В первую очередь процесс унификации касается основополагающих понятий антимонопольного законодательства: недобросовестная конкуренция, монополистическая деятельность, злоупотребление доминирующим положением.

Европейское антимонопольное право, а вслед за ним и российское законодательство уделяют пристальное внимание вопросам пресечения т.н. «*недобросовестной конкуренции*». Под последней традиционно понимают незаконные методы борьбы за рынок, как правило, пагубно влияющими на экономику (англ. — *unfair competition*, фр. — *concurrence deloyale*, нем. — *unlautern Wettbewerb*) [19].

Достаточно сложным представляется вопрос о разграничении добросовестной или недобросовестной конкуренции, тем более что явление недобросовестной конкуренции порождено отношениями свободной конкуренции. Конкуренция в эпоху зарождения капитализма привела к появлению различных средств борьбы соперников друг с другом, среди которых были и незаконные, нечестные, недобросовестные. Конкуренция недобросовестная является оборотной стороной нормальной, честной конкуренции.

Действие расценивается как недобросовестная конкуренция, если оно принесло (или может принести) какие-либо преимущества в предпринимательской деятельности. Приобретение каких-либо преимуществ является, как правило, одной из основных целей любого хозяйствующего субъекта. Однако такая деятельность пресекается, если указанная цель достигается недозволенными способами.

Исчерпывающего перечня форм недобросовестной конкуренции в Законе «О защите конкуренции» нет, а легальное определение включает в себя ряд не вполне точных по содержанию критериев. Думается, что решение этой проблемы лежит в наиболее четком определении понятия недобросовестной конкуренции.

Статья 10bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. называет недобросовестной конкуренцией любой акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленности и торговых делах.

В ст. 14 Закона «О защите конкуренции» перечислены некоторые формы недобросовестной конкуренции. Этот список, не являющийся исчерпывающим, соответствует перечню форм недобросовестной конкуренции, содержащемуся в ст. 10bis Парижской конвенции.

Принятый в 1980 г. в рамках ООН «Комплекс согласованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за “ограничительной деловой практикой” дает следующее ее определение: «Выражение “ограничительная деловая практика” означает действия или поведение предприятий, которые путем злоупотребления господствующим положением на рынке или приобретения этого положения и злоупотребления им ограничивают доступ к рынкам или иным образом неоправданно сдерживают конкуренцию, что оказывает или может оказать отрицательное влияние на международную торговлю... или которые посредством официальных, неофициальных письменных или устных соглашений или договоренностей между предприятиями оказывают аналогичное воздействие» [15].

Статья 4 российского Закона «О защите конкуренции» в той или иной форме дублирует положения европейского антимонопольного регулирования, формулируя легальное определение недобросовестной конкуренции. Так, согласно п. 9 указанной статьи недобросовестной конкуренцией признаются «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации».

Деяние может противоречить не только закону, но и обычаям, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости. При этом существует иерархия норм: если действие нарушает закон, то оно не проверяется на соответствие обычаям и т.д.; если действие санкционировано законом, то оно не может быть признано противоречащим обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости.

Действия, подпадающие под определение недобросовестной конкуренции, противоправны в силу самого факта их совершения, независимо от того, причинен вред конкурентам или нет. Однако учитывается потенциальная способность таких действий причинить убытки или нанести ущерб деловой репутации конкурентов (как реальных, так и возможных). Если такая способность отсутствует, то деяние нельзя считать недобросовестной конкуренцией.

Таким образом, недобросовестная конкуренция может проявляться в следующих основных формах:

- дискредитация конкурента (распространение ложных сведений о конкуренте и т.д.);
- имитация (например, товаров конкурента);
- дезорганизация деятельности конкурента или рынка данного товара в целом (например, разглашение коммерческой тайны);
- паразитирование (использование репутации или достижений конкурента, когда чужая продукция за свою не выдается: например, под маркой товара известной фирмы продается изделие конкурента);
- дезинформация (введение в заблуждение потребителей).

При этом существует объективная невозможность в законодательном акте назвать все формы недобросовестной конкуренции, так как в качестве противодействия законодательным запретам рождаются все новые и новые способы нечестного ведения предпринимательства.

Еще одним правонарушением в области антимонопольного законодательства являются *соглашения хозяйствующих субъектов, направленные на ограничение конкуренции*. Договором о функционировании ЕС установлен запрет на заключение соглашений между предприятиями, принятие решений их ассоциациями и осуществление согласованных действий на Общем рынке или на существенной его части, которые могут причинить ущерб торговле государствам-членам и имеют своей целью или следствием предотвращение, ограничение или искажение конкуренции в пределах единого экономического пространства [2]. Это пример негативной интеграции. Такого рода соглашения признаны публичным правом несовместимыми с общим рынком. Как следствие, любое такое соглашение или решение будут являться ничтожными.

Субъектами соглашений, обладающих возможностью ограничивать или нарушать конкуренцию, могут быть как отдельные хозяйствующие субъекты, так и их ассоциации. К соглашениям приравниваются и не облеченные в письменную форму согласованные действия, которые могут повлиять на состояние торговли между государствами-членами. Данные действия принято называть *картельной практикой*.

Соглашения, ограничивающие конкуренцию, могут подразделяться по уровням экономической интеграции.

Во-первых, это *горизонтальные соглашения*, являющиеся самой частой формой монополистической практики и заключаемые между предприятиями, находящимися на одном уровне товарного производства и сбыта. Примерами

таких договоренностей являются соглашения между производителями одной редкой марки стали или между энергетическими генерациями. Предметом горизонтальных соглашений (картелей) выступают, как правило, фиксация цен, ограничение объемов производства, раздел рынков и т.д. Последствия картельных соглашений отрицательно сказываются на экономическом развитии, приводя к росту цен, ограничению производства и сдерживанию инноваций.

Во-вторых, это *вертикальные соглашения*, заключаемые между предприятиями, находящимися на различных уровнях товарного производства и сбыта. Примерами могут являться вертикально интегрированные химические холдинги, сообщества компаний, производящих сложные вещи, дилерские сбытовые сети [3]. Вертикальные соглашения, как правило, не нарушают конкуренцию, а во многих государствах приветствуются как повышающие технологическую эффективность производства [7. С. 337].

Так, в ст. 12 российского Закона «О защите конкуренции» урегулирован вопрос о допустимости «вертикальных» соглашений. Факт введения термина «вертикальное соглашение» в законодательный акт, проигнорировавший при этом какое-либо упоминание о «горизонтальном соглашении», у ряда специалистов вызывает сомнение. В.И. Еременко совершенно справедливо указывает на то, что «неясно, почему законодатель не включил в Закон понятие “горизонтальное (картельное) соглашение”, которое намного опаснее в плане ограничения конкуренции на рынке по сравнению с “вертикальным” соглашением» [5]. В экономической литературе часто подчеркивается, что горизонтальные соглашения гораздо опаснее вертикальных: они чаще приводят к ограничению выбора для потребителей, росту цен и другим неблагоприятным последствиям.

Согласно п. 19 ст. 4 Закона «О защите конкуренции» «вертикальное» соглашение — это соглашение между неконкурирующими между собой хозяйствующими субъектами, один из которых приобретает товар или является его потенциальным приобретателем, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом.

В ст. 12 вышеназванного закона различаются два вида «вертикальных» соглашений, использование которых допускается.

Во-первых, допускаются «вертикальные» соглашения в письменной форме, кроме «вертикальных» соглашений между финансовыми организациями, если они являются договорами коммерческой концессии.

Во-вторых, признаются допустимыми «вертикальные» соглашения между хозяйствующими субъектами (исключая договорную практику финансовых организаций), доля каждого из которых на любом товарном рынке не превышает 20%.

Действует предположение о том, что вертикальные соглашения не имеют такого вредного влияния на конкуренцию. Однако здесь очень важно учитывать субъектный состав: если субъекты соглашения обладают значительной рыночной властью, то они способны оказывать негативное воздействие на экономические отношения. К отдельным вертикальным соглашениям применяется правило разумности, что доказывает меньшую общественную опасность данного деяния по сравнению с горизонтальными соглашениями.

Горизонтальные соглашения можно разделить на картельные и иные (некартельные).

Результатом картельного соглашения выступает монополистическое отношение, в силу которого между его участниками устраняется конкуренция. «Под картелью мы понимаем состоявшееся путем свободного соглашения соединение самостоятельных предпринимателей, имеющих общие интересы, в целях воздействия на отношения производства и сбыта посредством ограничения или устранения свободной конкуренции» [9. С. 3].

Картельные отношения нельзя однозначно оценить как явление, нарушающее конкурентный порядок. В ряде случаев наличие картелей повышает эффективность конкуренции. Картели могут способствовать конкуренции в том случае, если средства, которые компании затратили бы на конкурентную борьбу, идут на научные исследования, разработку нового продукта, улучшение качества продукции и т.п.

Поэтому антимонопольное законодательство должно учитывать различия между картельными соглашениями, которые ограничивают конкуренцию и которые способны улучшить качество конкурентных отношений.

При оценке картелей следует помнить, что картель представляет собой сообщество весьма неустойчивое, так как достаточно трудно согласовать интересы всех участников и избежать «оппортунизма» отдельных членов.

Качество рыночной ситуации может способствовать или препятствовать возникновению и существованию картелей. Так, картели характерны для рынков с высокой степенью концентрации продавцов, значительной однородностью продукции, высокой частотой заключаемых сделок, а также высоким уровнем барьеров для входа на рынок. В то же время на рынках, где барьеры для входа и выхода отсутствуют или незначительны, картели малоэффективны.

Картельными считаются соглашения, направленные на: 1) установление (поддержание) цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат), наценок; 2) повышение, снижение или поддержание цен на аукционах и торгах; 3) раздел рынка по территориальному принципу, по объему продаж или закупок, по ассортименту реализуемых товаров либо по кругу продавцов или покупателей (заказчиков).

Могут быть и иные картельные соглашения, например, соглашения, имеющие целью ограничить доступ на рынок или устранить с него других хозяйствующих субъектов; ограничить доступ других субъектов к сырью и материалам или же к сбыту продукции. В эту же группу входят такие действия, как отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

Соглашения могут достигаться как между продавцами или производителями (соглашения о цене продажи, о разделе территории между собой, об ограничении производства продукции), так и между покупателями (соглашения о цене, по которой будет приобретаться товар, о разделе рынка и т.д.).

Как уже упоминалось, существуют и некартельные соглашения, ограничивающие конкуренцию, например, соглашения, запрещающие использовать отдельные виды (приемы) конкурентной борьбы (запрет рекламы и т.п.).

Некоторые соглашения конкурирующих субъектов обладают определенным экономическим эффектом и могут благоприятно воздействовать на конкуренцию. Можно назвать следующие примеры:

– соглашение конкурентов о стандартизации своей продукции в целях достижения ее совместимости друг с другом;

– соглашения о совместных действиях конкурирующих субъектов, которые нерентабельны для одного производителя, однако на отрасль в целом воздействуют благоприятно. Например, реклама какого-либо товара как такового, без указания конкретного производителя;

– соглашения о совместной разработке какого-либо нового товара, когда запрещается конкуренция между участниками соглашения. Субъекты объединяют свои усилия, разрабатывая новые продукты, технологии. При этом ограничиваются права субъектов соглашения, но не потребителей, поэтому эффект соглашения превышает негативные последствия.

Положения Договора о функционировании ЕС направлены также на устранение *злоупотреблений, вызванных доминирующим положением* на рынке, которые наряду с монополистическими соглашениями являются довольно часто встречающимся нарушением права конкуренции (ст. 102 Договора о функционировании ЕС) [8].

Понятие *«доминирующее положение»* не раскрывается в Договоре о функционировании ЕС. Согласно ст. 102 Договора о функционировании ЕС злоупотребление одним или несколькими предприятиями своим доминирующим положением на Общем рынке или на существенной его части, как несовместимое с общим рынком, запрещается в той мере, в какой оно может причинить ущерб торговле между государствами-членами.

В соответствии же со ст. 5 ФЗ «О защите конкуренции» доминирующим положением признается положение хозяйствующего субъекта (группы лиц) или нескольких хозяйствующих субъектов (групп лиц) на рынке определенного товара, дающее такому хозяйствующему субъекту (группе лиц) или таким хозяйствующим субъектам (группам лиц) возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам. Закон устанавливает, что положение субъекта (за исключением финансовой организации), обладающего долей на рынке определенного товара менее 35%, не может быть признано доминирующим.

При изучении «соответствующего товарного рынка» учитываются как реальные конкуренты, производящие аналогичную продукцию, а также товары, способные ее заменить, так и потенциальные конкуренты, имеющие возможность без значительных затрат перейти к производству рассматриваемой продукции или ее заменителей [1].

При определении характера положения какого-либо хозяйствующего субъекта на рынке учитываются как его способность влиять на конкуренцию, так и соотношение реальной доли хозяйствующего субъекта на рынке и доли, установленной в законе.

Российский закон приводит достаточно широкое определение понятия «доминирующее положение на рынке», при этом определяются признаки такого

положения субъекта, что, безусловно, заслуживает одобрения, с учетом того факта, что Договор о функционировании ЕС проигнорировал сколько-нибудь развернутую формулировку данного правового явления.

Согласно антимонопольным предписаниям ЕС (так же как и в соответствии с российским законом) занимать доминирующее положение не запрещено, запрещается злоупотребление доминирующим положением. Союз оставляет за собой право контроля за деятельностью предпринимателя, занимающего доминирующее положение, с целью поддержать существование конкуренции на рынке. Правовое урегулирование данного вопроса нашло свое закрепление, прежде всего, в одном из основополагающих актов ЕС — Амстердамском договоре [4], а также в некоторых постановлениях Совета ЕС [3]; постановлениях, директивах [1], решениях и рекомендациях [2] Комиссии ЕС.

Под злоупотреблением правом в конкурентном праве ЕС понимаются действия юридических лиц, выходящие за пределы принадлежащих им прав (ст. 102 Договора о функционировании ЕС).

В соответствии со ст. 10 ГК РФ «не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах». В ГК РФ специально подчеркивается, что «не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке».

Противоправность злоупотребления доминирующим положением ставится в зависимость от степени ущерба, который может принести такое деяние свободе торговли между государствами — членами ЕС. Для того чтобы определить, будут ли применяться положения ст. 102 Договора о функционировании ЕС (ранее ст. 82 Договора о ЕС), необходимо доказать, что в результате поведения предприятия, обладающего доминирующим положением на рынке, изменилась структура конкуренции на общем рынке. В ст. 102 Договора приводится примерный перечень действий, подпадающих под определение злоупотребления [4]. Такие злоупотребления, в частности, могут состоять в:

- а) установлении, прямо или косвенно, несправедливых цен купли или продажи или других несправедливых условий торговли;
- б) ограничении производства, рынков или технического развития в ущерб потребителям;
- в) применении неадекватных условий к равноценным сделкам с другими торговыми партнерами, поставленными тем самым в невыгодные условия;
- г) подчинении заключения договоров принятию контрагентами дополнительных обязательств, которые, по своей природе или в соответствии с торговыми обычаями, не связаны с предметом этих договоров.

Российское антимонопольное законодательство, ориентируясь на положения общеевропейского права, также предусматривает запрет на подобные действия. Так, согласно ст. 10 Закона «О защите конкуренции» запрещается установление, поддержание монополично высокой или монополично низкой цены товара, изъятие товара из обращения, если результатом такого изъятия явилось

повышение цены товара, навязывание контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора, экономически или технологически не обоснованные сокращение или прекращение производства товара, если на этот товар имеется спрос или размещены заказы на его поставки при наличии возможности его рентабельного производства, экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение от заключения договора с отдельными покупателями (заказчиками) в случае наличия возможности производства или поставок соответствующего товара, создание дискриминационных условий, создание препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка другим хозяйствующим субъектам и т.д.

Итак, компаративный анализ, изложенный в рамках данной статьи, свидетельствует об устремленности российского законодателя к европейским минимальным стандартам антимонопольного регулирования, что, безусловно, следует выделить как положительную тенденцию в развитии эффективного хозяйственного права России в целом.

Такая тенденция позволяет надеяться, прежде всего, на улучшение инвестиционного климата в стране, что особо актуально в условиях нынешнего экономического кризиса, когда вливание инвестиций в российскую экономику стало бы определенным положительным «допингом» для выхода из кризисных ситуаций.

Кроме того, унификация норм российского конкурентного права с европейскими минимальными правовыми стандартами, регулирующими проблемы монополизации рынков, является важной перспективной задачей и одновременно назревающей тенденцией развития корпоративного регулирования в условиях глобализации и интеграции мирового хозяйствования. Проведение российской антимонопольной политики, аналогичной европейской, и развитие конкурентного права с учетом опыта ЕС не только благоприятствует расширению влияния российского корпоративного регулирования, но и стимулирует включение российских компаний в хозяйственный оборот Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Баринов Н.А., Козлова М.Ю.* Антимонопольное законодательство РФ (вопросы теории и практики). — Волгоград, 2001.
- [2] *Безбах В.В., Беликова К.М.* Запрещенная деловая практика и квалифицирующие ее признаки по праву ЕС и стран Меркосур — Аргентины, Бразилии, Уругвая, Парагвая, Боливии, Перу и Чили // *Право и политика.* — 2006. — № 8.
- [3] *Белов А.П.* Посредничество во внешней торговле // *Право и экономика.* — 1998. — № 8.
- [4] *Европейское право: Учебник / Под ред. Л.М. Энтина.* — М., 2000.
- [5] *Еременко В.И.* О реформировании российского антимонопольного законодательства // *Адвокат.* — 2008. — № 1.
- [6] *Инишкова А.О.* Европейские минимальные правовые стандарты в российском антимонопольном регулировании (часть 1) // *Гражданин и право.* — Москва. — 2010. — № 2 (апрель—июнь). — С. 90–94.
- [7] *Инишкова А.О.* Унификация корпоративного регулирования в ЕС и СНГ. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. — М., 2008.

- [8] Конкурентная политика Европейского союза. — М., 1995.
- [9] Муромцев Г.И. Источники права ЕС: некоторые теоретические аспекты // Материалы международного семинара «Преподавание права Европейского Союза в российских вузах», состоявшегося в г. Москве 8–15 ноября 1999 г. — М., 2000.
- [10] Пирогова В.В. Европейское законодательство против недобросовестной конкуренции: от Парижской конвенции до новой Европейской директивы // Законодательство и экономика. — 2006. — № 4.
- [11] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. — М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998.
- [12] Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности части второй статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Амосовой, Т.Т. Васильевой, К.Н. Жестковой и других» № 7-П от 19.03.2010 // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2010. — № 3.
- [13] Рундштейн С. Синдикатное право. Учение о картелях / Пер. с нем. — СПб.: Якорь, 1905.
- [14] Федеральный закон «О защите конкуренции» № 135-ФЗ от 26.07.2006 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (1 ч). — Ст. 3434.
- [15] Ячистова Н. Пресечение антиконкурентных действий: международный опыт правового регулирования // Российская юстиция. — 2000. — № 6 // СПС «КонсультантПлюс».
- [16] Commission Directive (EEC) N 87/601; Commission Regulation (EEC) N 2367/90 of 25 July 1990, OJ 1990 L 219/5.
- [17] Commission notice on the definition of the relevant market for the purposes of Community competition law, OJ 1997 C 372/03.
- [18] Council Regulation (EEC) N 4064/89 of 21 December 1989, OJ 1989 L 385.
- [19] Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts, signed at Amsterdam, 2 October 1997, OJ 1997 C340/01.

THE NEED OF STANDARTISATION THE CATEGORICAL APPARATUS FOR COMPETITION LAW RF AND EU

A.O. Inshakova, M.J. Kozlova

Department of Civil and Private International Law
Volgograd State University
100, Universitetsky av., Volgograd, Russia, 400062

Article is devoted research of separate problems of unification of the antimonopoly law of the Russian Federation and the countries of the European union. The parity of basic categories of the antimonopoly law of the Russian Federation and the countries of the European union is investigated. The conclusion that unification of norms of the Russian competitive right with the European minimum legal standards regulating problems of monopolization of the markets is an important perspective problem and a tendency of development of corporate regulation in the conditions of globalization and integration of world managing becomes.

Key words: the antimonopoly law, competition, the unfair competition, the co-ordinated actions of managing subjects, leading position, abusing a leading position